

18+

ПОСЛЕДНИЙ ВОИН
СОКОЛИНОЙ ГОРЫ

А. НИКИФОРОВ

Александр Никифоров Последний воин Соколиной горы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51936415

ISBN 9785449859594

Аннотация

Старший лейтенант Литвинов, вступая в свой последний бой с немецкими захватчиками, при освобождении Донбасса в 1943 и не подозревал, что судьба даст ему еще один шанс. В 2014 году на те земли снова пришла война, только теперь все далеко не так очевидно. Кто в ней свой, а кто чужой? Страны, за которую тогда воевал Литвинов, больше нет, а те, кого он считал лучшими друзьями, стреляют друг в друга. Как не сойти с ума в столь изменившемся мире и найти путь домой, где все было так ясно и понятно?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Последний воин Соколиной горы

Александр Никифоров

© Александр Никифоров, 2020

ISBN 978-5-4498-5959-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Тиха украинская ночь, как же был прав Пушкин, – сказал Алексей.

Раскуривая папиросу «Казбек», он заломил гильзу как-то по-особенному – двойной гармошкой. Егор с Алексеем закурили. Такой табачок был редкость на передовой, а сегодня в штабе московский полковник, который проводил совещание, высыпал на стол пачек двадцать.

– Угощайтесь, товарищи офицеры, – предложил он.

Такому подарку здесь был рад каждый. Капитан Мамедов спросил разрешения, можно ли ему взять две пачки.

– Это мои горы, – сказал Иса, – здесь мой дом.

И остро заточенным карандашом ткнул в край пачки.

– Неспроста такие подарки москвич привез, – рассуждал, покуривая Алексей Ткаченко. Видно серьезная заваруха начнется.

Алексей, как и Егор Литвинов, был командиром батареи.

И хотя они были ровесниками, Ткаченко уже был капитаном и был награжден орденами Отечественной Войны первой и второй степени, а также орденом Красной Звезды.

Их вместе зачислили в Тамбовское артиллерийское училище. Алексей даже спал с ним на одной койке, на втором ярусе. Но случилось так, что во время учебных стрельб на полигоне, у Егора отскочила подошва на сапоге. Понятно, что из-за худого сапога, никто не собирался менять стрельбы. Егор запасной портянкой примотал подошву, и в этот день их боевой расчет выполнил поставленную задачу на «отлично». А вот на обратном пути в училище, Литвинов, хлюпая по грязи, как говорится, нахватал каши сапогом, и на следующий день у него поднялась температура. Курсант решил перенести болезнь на ногах, но через три дня угодил в госпиталь с воспалением легких.

Болезнь прошла с осложнением, и он смог выйти только через полтора месяца. Главврач, вообще, настаивал на том, чтобы его комиссовали. К тому времени его сокурсники уже получили лейтенантские погоны. А Литвинов только и успел, что проводить друзей на фронт. Алексей попал в 258-ю стрелковую дивизию, на Сталинградский фронт.

Сейчас они стояли, как тогда на Тамбовском вокзале, и давали друг другу наказы, если кто-то из них погибнет.

Ткаченко был родом из Киева, и когда фашист уже был на подступах к городу, он вместе с матерью эвакуировался, приехав к своей тетке в Тамбов. Отца у Алексея не было, он погиб еще в Туркестане, при осаде Хивы, где бился с басма-чами под предводительством Джунаид-хана. И его Алексею заменил тренер по боксу, не дав мальчишке попасть в ком-панию шпаны с Шулявки. Он сделал из него чемпиона в об-ществе «Спартак» по Украине, а перед самой войной Леша выиграл первенство Киева в своей весовой категории. Пет-рович был для него главным человеком в жизни, может да-же главнее матери, которую он, безусловно, любил. Его-то он и просил навестить Егора, если с ним что-то случится.

Тогда на вокзале Литвинов, провожая друга на смерть, оставался в тихом тыловом городе. Начальник училища оставил его, чтобы выпустить со следующим курсом. Сытый паек, по воскресеньям девушки приходят на танцы, и ни-какой тебе войны еще полгода. Егор тогда себя считал ни-чтожеством, из-за худого сапога он будет жировать в тылу, а друг уже завтра будет бить фашистов. Лешка, обняв мать и передав Егору, письмо для Петровича, прыгнул в отходя-щий эшелон. Коптящий паровоз, дав гудок, увез его в волж-ские степи. Говорят, жизнь лейтенанта в бою в среднем со-ставляет три минуты. Но Ткаченко повезло, он выжил в глав-ной мясорубке этой войны. Мало того, он даже не был се-рьезно ранен. Так пару раз посекло осколками, что даже и ла-

зарет не потребовался, своя медсестричка обработала раны – вот и вся канитель.

За Сталинград Леха и получил свои ордена. А на формировочном пункте под Ртищево, они снова случайно встретились, и вот уже полгода, как не расставались. Ткаченко тогда только получил назначение командира батареи. Увидев в расположении полка Егора, он договорился с комполка, чтобы Литвинов попал взводным к нему в батарею. Потом был славный путь на Воронеж, на Ростов, и вот они уже на Донбассе.

Егор Литвинов теперь старший лейтенант и тоже командир батареи, и они соседи на 102-й высоте. Стоят и курят блатной «Казбек», и Лешка вспомнил, как к ним в Сталинград также вот приезжал штабной с папиросами, и бойцам выдали по двойной порции спирта, а на следующий день был ад.

– Вот и сегодня такое чувство, что я вернулся туда – сказал он. И глядя на небо, усыпанное звездами, продолжил:

– Видишь, как светятся – завтра жаркий день будет.

Только было непонятно, что он имел ввиду: то ли жаркий от фашистских атак, то ли от солнца, а может и от того,

и от другого.

– Ну, что давай обнимемся, что ли, Егорка. Ты тогда к Петровичу в Киев, если что заскочи, – и крепко, будто клещами, сжал друга.

А Литвинов достал из нагрудного кармана, свернутое в треугольник письмо, которое он написал Валюше, да все не решался отправить.

– Ты тоже тогда, как будешь в Тамбове, найди Валю. Помнишь ту медсестричку из госпиталя? Передай ей это письмо. Хотел сам отослать сегодня, но не успел. Это важно для меня.

– Это не та ли Валя, с которой я познакомился, с огромными, как голубые блюдца глазами? Она обещала мне прийти на танцы, да так и не пришла, – спрашивал Ткаченко, – значит, я с девушкой познакомился, а ты её закадрил. Вот тебе и друг называется, – шутливо обижаясь и забирая письмо, гудел Лешка.

– Да нет, она хотела пойти, но в этот день пришел эшелон, и там было много тяжелораненых. Нас тоже попросили помочь, и мы всю ночь раскладывали их по палатам. Тогда и сдружились, а после её отправили на курсы переподго-

товки в Москву, и она вернулась уже операционной сестрой, но вы к тому времени уже выпустились. А после она приходила в свободное время к нам в училище на танцы, ну и я старался в увольнительную встретиться с ней, – оправдывался Егор, – ты знаешь, мне кажется, я её люблю. Если выживу, то скажу ей об этом сам. Ну, а нет – там, в письме все написано.

Друзья выкурили еще по «казбечене» и пошли каждый в своё расположение. Егор вспоминал, как утонул в этих голубых глазах, как неуклюже полез целоваться. Валя его одернула, ему даже сейчас, было как-то не по себе от того поступка. Ну, а когда Литвинов уезжал на фронт, она прибежала на вокзал и плакала. Они стояли и целовались, уже никого не стесняясь. Валя обещала его дождаться и просила вернуться живым. Как же хочется, вот прямо сейчас, обнять её и надышаться запахом волос, пахнущих цветочным мылом. Мурашки пробежали по спине старшего лейтенанта.

Глава 2

Сна не было, и он пошел обходить боевые расчеты. Батарея Литвинова состояла из шести 76-мм дивизионных пушек образца 1942 года – ЗиС-3, или как еще их называли «коса Граблина». С расстояния трехсот метров подкалиберным снарядом она пробивает 105 мм броню – это орудие еще называли «убийца танков».

Обе батареи: Егорова и Ткаченко врылись на нижнем уступе кургана, а на вершине высотки обустроилась артразведка, со связистами и корректировщиками огня. Грунт был тяжелый, каменистый и бойцы с трудом углубились на метровую глубину, ну и бруствер подняли сантиметров на тридцать, что было явно не достаточно.

– Перебьют нас здесь, как курят, – весь день ворчал «заряжающий», старый татарин Халил.

– Не бойсь, дядька, – усердно работая лопаткой, посмеивался «замковый», молоденький сержант Серега, – это моя земля, она нас убережет. Ты лопатку-то поотвесней втыкай, да на излом грунт бери, глядишь, и не зацепит тебя немец.

Сейчас ночью все бойцы, кроме Сергея отдыхали, а тот

сидел, прижавшись спиной к стенке траншеи, и курил «в рукав».

– Чего не спим, боец? – поинтересовался Егор.

– Да, как тут уснешь, когда вон за той лощиной, в двух километрах, дом родной, – отвечал сержант, – мы на этом кургане в детстве на лыжах катались. А старики ругали нас, что не надо этого делать на могилах предков. Этот курган у нас Соколиным зовут. По легенде здесь отважный сарматский воин Скил захоронен, отсюда и название его. Жил он еще во времена Македонского и, говорят, не уступал в боевом искусстве никому. Александр Великий звал его к себе, командовать одной из македонских фаланг. Но Скил был слишком вольнолюбив, чтобы ходить в строю и он отказал Александру. Тот оскорбился, ведь это была самая высокая честь, так как он сам водил в бой первую конную фалангу, которая так и называлась «царской».

И приказал тогда он убить Скила, а все его племя поработить. Да попробуй, возьми сармата в чистом поле. Ни один месяц охотились за ним вассалы Александра, и только фракийцы хитростью смогли заманить в ловушку. И был бой, говорят на этом вот самом месте, и не один сармат не сдался, а умирая, забирал с собой десять врагов. И когда остался Скил с десятком своих воинов, они встали в круг спина

к спине, и убить их было не возможно, тогда фракийский военачальник приказал своим воинам закидать сарматов дротиками.

Здесь они все и полегли. А Александр Великий, узнав как погиб Скил, приказал похоронить его с почестями по сарматским обычаям. Так и появился здесь этот курган. Под ним говорят, лежат эти смельчаки, что предпочли смерть сытой неволе. Когда фракийцы забрасывали трупы камнями, чтобы возвести курган, говорят, что Скил был сильно ранен, но еще жив. Так что не смогли они его убить, и будет он со своими воинами жить в этих степях вечно. По легенде, он иногда выходит из своей могилы и осматривает владенья, а самым смелым воинам помогает обмануть смерть. Все это конечно выдумки, товарищ старший лейтенант, но во время Гражданской войны здесь был страшный бой врангельцев с Красной Армией. Когда перебили всех бойцов «черного барона», то буденовцы не досчитались половины трупов. Старики говорят, Скил их себе забрал, уж больно бесстрашно они бились, только я в это не верю, не могли беляки Красную Армию одолеть. Вон в кино про Чапаева показывают – трусоватые они были, зачем же такому воину, как Скил, такие «трясогусы»? Но как ни крути, завтра нам здесь бой принимать, вот сижу я и думаю – помоги нам Скил эту вражью фашистскую свору одолеть. Как думаете, поможет, товарищ комбатареи?

– Хорошая легенда у тебя боец. Ну, ты лучше пойди, поспи, а то уже скоро и рассвет начнется, – сказал командир, – а нам не только на твоего Скила надо рассчитывать, но и на свои силы, и чем их больше, тем нам будет проще фашиста одолеть. Так что давай, сержант, спокойной ночи.

Боец, завернувшись в плащ палатку, улегся прямо рядом с оружием. Егор пошел в свой блиндаж, тихонько улыбаясь в ночи интересной легенде, поведанной «замковым». Литвинов удивился: откуда такие глубокие познания древней истории у сержанта – вчерашнего шахтера. Сам он с детства увлекался историей античных времен, и вот волей судьбы он оказался здесь, где жили скифы, сарматы, фракийцы и шли македонские фаланги. Если бы не директор школы, который порекомендовал ему идти в Бауманку, он бы пошел на исторический факультет и осуществил бы свою давнюю мечту – поехать в археологическую экспедицию и найти золото древних скифов. «Ладно, надо тоже отдохнуть», – подумал Егор, —«завтра мы с Ткаченко встанем как те сарматы, спина к спине, главное хватило бы снарядов и попробовать остаться живым, как он обещал Валюше». Он опять вспомнил образ любимой девушки и с блаженной улыбкой уснул под стрекотание южных цикад.

Глава 3

Срочное сообщение из штаба заставило Литвинова проснуться. Командир дивизиона – подполковник Петрушинцев ставил задачу, объясняя последнюю диспозицию противника. Если вчера две их батареи должны были прикрывать 102-ю высоту, то сегодня ситуация в корне менялась. По данным армейской разведки, немцы с Курской дуги перекинули на Миус-фронт 3-ю танковую дивизию СС «Тотенкопф», и теперь два танковых батальона «Мертвой головы» делают прорыв в их направлении. Перед артдивизионом поставлена задача, любой ценой удержать их. Батареи Ткаченко и Литвинова должны принять на себя главный удар, причем, батарея Егора должна будет первой себя обнаружить, тем самым заставив противника вытянуться в боевом порядке.

Егор знал, что эта дивизия СС оснащена новыми танками «Тигр», выпущенными только в 1942 году. Красная Армия тогда была вооружена в основном 45-мм пушками, и они максимум пробивали 85—мм броню, для «Тигра» – это как комариный укус. Имея 100 миллиметровую наклонную броню, даже их 76-мм ЗиС-3 не всегда могла с первого выстрела паразитить цель. Поэтому в войсках применялась тактика выманивания: несколько орудий открывали лобовую атаку, за-

ставляя противника подставить борт огневым расчетам, находящимся в засаде. Та часть дивизиона, что стояла в лощине, должна была жечь немецкие танки, а им с Ткаченко надо было быть той самой приманкой. Так что прав был Алексей, когда говорил, что москвич не зря папиросками сыплет. Похоже, придется сегодня попотеть.

Егор, собрав всех взводных и командиров расчета, объяснил ситуацию и попросил максимальной собранности.

– Бить по танковой колонне надо непрерывно, поэтому весь запас бронебойных снарядов должен находиться в непосредственной близости к орудию, – давал распоряжения комбатареи.

– Так, а если прямое попадание в снарядные ящики? – спросил старшина Крюков, – всему расчету, да и орудию сразу трындец будет.

– У нас задача сейчас стоит не орудие беречь, хотя об этом тоже не надо забывать, а максимально нанести огневой удар по противнику, – отвечал Литвинов, – потому на расстоянии тысяча метров открываем огонь и стараемся бить по каткам. У нас на батарее лучшие наводчики во всем полку, так что не подведите, ребята.

После совещания никто не спешил расходиться по местам, докуривали пачку «Казбека» и ругали немца. Особенно старый Крюков бухтел:

– Надо же было этому свинье Гитлеру, такой праздник испоганить, ведь сегодня Яблочный Спас. Ладно, ребятки, придется навалить этим «черепам», за то, что праздник спортили.

После полудня Литвинов лично обошел, все огневые расчеты и убедился в полной готовности артбатареи к встрече гостей. Было как-то очень тихо. Казалось слышно, как звенит разогретый августовским солнцем воздух, поют птицы. Можно было подумать, что и нет никакой войны. На шестом боевом расчете, Крюков оперся на щит пушки, что-то шептал губами, а рядовой Халил, стоя на коврике, совершал намаз Зухр. Сержант, покусывая травинку, смотрел в сторону дома.

– Здравия желаю, товарищ комбатареи, – поприветствовал Сергей Литвинова.

– Чего у вас здесь происходит?

– Да вот, молятся мои старички, каждый своему богу, а я думаю, смерть она одна и не разбирает мусульманин ты или

христианин. Подкатит сейчас эта «Мертвая голова», и нам здесь всем секир башка будет, – рассуждал сержант.

Егор знал, что у него на батарее есть верующие бойцы и не раз получал нагоняй от политрука за такие вот молебны перед боем, но сам он это не осуждал, зная главное, что в бою эти люди его не подведут.

– Я так думаю, товарищ старший лейтенант, мы и есть боги на этой войне, недаром наши войска так зовут, – продолжал Серега, – но моим старичкам я это не как не могу доказать.

– Ладно, давай без лирики. Готовы «Тигров» пострелять, сержант? Мы с этим зверем еще ни разу не встречались.

– Ну, «Пантер» мы с Крюком целый зоопарк набили, думаю и этим кошкам хвост подпалим, – с бравадой отвечал «замковый», – скушайте яблочко. Крюк говорит праздник сегодня.

И он протянул Егору два сладко-пахнущих красных плода «Грушовки».

Но вот корректировщики с высотки доложили, что в их сторону движется пыльное облако. По батарее прошла ко-

манда «полной готовности». Литвинов наблюдал за происходящим посредством армейского бинокля. Скоро в пыльном облаке начали проглядываться силуэты грозных машин, и уже можно различить кресты и белые «черепашки» на башнях. Вот теперь пора, и он дал команду: «Огонь!»

Шесть орудийных выстрелов разорвали тишину и теперь только, и было слышно вокруг: «Заряжай», «Товсь», «Огонь» – и каждые пять секунд жерла пушек изрыгали небойный дождь в сторону движущейся армады. Из семи десятков машин три закружились на месте, видно, разули их бойцы Литвинова, остальные машины приостановились, развернули башни в сторону батареи и произвели залп.

Создалось впечатление, что небо разверзлось над артиллеристами, но первый залп не был прицельным, и снаряды взрыли курган метров на десять выше батареи, засыпав людей и орудия комьями земли. Пока, слава богу, все были целы, и опять полетели команды: «Заряжай», «Товсь», «Огонь». Танки изменили порядок строя из шеренги в клин и, прибавив газу, двинулись напрямиком на батарею. Теперь они били более прицельно. В эти пару минут, показавшиеся Егору вечностью, от его батареи осталась груда металла, перемешанная с человеческими трупами. Но задачу его ребята выполнили: пять танков выбыли из строя, и главное – наступающие машины перестроились.

В это время заработала батарея Ткаченко. Егор обезумевшими глазами видел эту летящую смерть. Пушки Алексея заставили танки повернуть чуть вправо, сделав их идеальными мишенями для остального дивизиона. Немцы не ожидали такого шкального огня. Уже горело порядка двадцати танков и, поняв, что они попали в засаду, начали прорываться в сторону батареи Ткаченко.

Егор был оглушен сотнями выстрелов, кровь из ушей струилась и щекотно затекала за ворот гимнастерки, от контузии разрывалась голова. Уже не пригибаясь, в полный рост, он бежал от одного огневого расчета к другому, но все орудия были разбиты, и вокруг лежали только мертвые и тяжелораненые.

Когда он увидел ствол шестого орудийного расчета, тот был в боевом положении, туда он и рванул, спотыкаясь, падая и снова вставая. Все три бойца расчета были мертвы, снаряд повредил левую станину, а в остальном орудие было цело и даже заряжено, видно бойцов накрыло именно в том момент, когда они хотели произвести выстрел.

«Ну, что же», – подумал Егор, – «тогда повоюем еще, может Лешке смогу помочь». Поймав в прицеле башню с двумя «зигами», он произвел выстрел, и черный дым повалил

из подбитого танка.

– Это тебе за Халила! – заорал Егор, он вспомнил, как старый татарин говорил, что его имя имеет значение – «верный друг». Это тебе за друзей, сука фашистская!

Только он успел перезарядить пушку, как буквально в десяти метрах на него развернул свою башню очередной «Тигр». Конечно, попасть между катками было сложно, тем более на кособоком орудии, но он ведь еще курсантом слыл лучшим наводчиком на курсе. Почти шестидесятитонная машина катила на него, готовая через мгновение произвести выстрел, и тут цель попала в окуляр панорамы, и комбатареи закричал сам себе: «Огонь!» и выстрелил.

Он видел, как из танкового дула вылетел снаряд. Это было, как в замедленной съемке, и сопровождающий белый огонь ослепил Егора.

Глава 4

В этом белом свете, как на экране в кинотеатре, промелькнуло лицо матери, дом на Подсосенском переулке, Валюша в ромашковом платье: с рукавом-фонариком и сильно расклешенной юбкой от талии.

Почему он видел именно это платье, в котором она последний раз приходила в училище на танцы, Егору было не понятно. Но ей оно очень шло, и когда Валя начинала кружиться, юбка раскрывалась, как зонт, и красивые ноги,двигающиеся в такт музыки, уже кружили голову Егора.

Девушка, кружась в танце, поднималась над землей и звала за собой старшего лейтенанта, и вот он уже парил над местом сражения. Егор видел свою разбитую батарею и почти уничтоженную батарею Ткаченко. Интересно жив ли Лешка, но с такой высоты он не мог этого различить. Вокруг горели подбитые «Тигры», наверное, более сорока машин, а остальные уже прорвались за курган и драпали к ближайшей зеленке. Потом он видно поднялся слишком высоко, и белое облако закрыло собой землю, девушка смеялась, поднимаясь все выше и выше, но Егор почему-то больше не мог следовать за ней, и когда она уже превратилась в едва заметную точку, он вдруг начал опускаться на землю.

Но там все изменилось. Он увидел только небольшую группу людей, и не было никакого кургана, горящих танков и разбитых батарей. Вдали мчались пару сотен конников. Опустившись на землю, он обратил внимание, что стоящие плечом к плечу люди одеты, как древние воины и в руках у них копья и мечи, а к левой руке приторочены, небольшие щиты.

Самый рослый из них сделал шаг навстречу Литвинову и представился:

– Я Скил, сарматский вождь. Ты храбрый воин. Я предлагаю тебе стать одним из нас, – указывая рукой на место в шеренге рядом с собой.

– Там вдалеке скачет конница, – начал говорить Егор.

– Да я знаю, это Александр послал фракийцев, и мы дадим им честный бой, – ответил Скил.

Егору вручили короткий меч и накинули через голову кольчугу. Подъехавшие конники спешили и пытались уговорить Скила, и его воинов сдать. Но в ответ фракийцы получили, короткую атаку мечников, вклинившихся в самую гущу прибывших. Потом, заняв круговую оборону, сарма-

ты налево и направо рубили людей в лисьих шапках и пестрых бурнусах, и тем пришлось спасаться бегством, вслед им полетели копыя. Но численный перевес был явно на стороне фракийцев и, выбрав безопасное расстояние метров двадцать, они достали закрепленные на внутренней стороне щита дротики. Сарматов осталась небольшая горстка, и тут Скил протянул Егору яблочко и сказал:

– Ты должен жить, боец.

В это время фракийцы сделали первый залп дротиками и тут же накрыли вторым, сарматы валились с ног под ударами граненых наконечников. Егор видел, как острие дротика летит ему между глаз и инстинктивно отклонился. Скил закрыл его своим щитом от летящей смерти, и теперь он уже кричал в голос:

– Ты должен жить, боец.

Вождь сарматов запустил свой короткий меч в свору фракийцев. Клинок попал в горло предводителю, это выглядело как снаряд, попадающий прямо под башню танка, и тот, заливаясь кровью и хрипя, рухнул на землю. Остальные сарматы с Литвиновым поступили также, кинув в толпу врага свое последнее оружие, они сцепились руками, выставив вперед щиты, и кинулись на врага. Покалеченные и перепуганные

фракийцы безудержно метали дротики, и пятились назад.

В руке Егора что-то хрустнуло, он вспомнил, что сжимал яблоко, которое ему дал Скил. В нос ударил запах нашатыря от раздавленного плода, а глаза залил красный свет, как будто упал красный занавес. Ну, вот и все, мелькнула последняя мысль в голове у старшего лейтенанта 234-го гвардейского артиллерийского полка 96-й стрелковой дивизии Литвинова Егора Андреевича. Сознание меркло, он видел огромный зал в огнях и голубое озеро, и вдруг все опять залило красным светом.

– Боец, ты должен жить, – кто-то тряс его за плечи, – очнись, парень, дайте еще нашатыря.

Дышать, от этого запаха, было не выносимо трудно, и Егор спазматически начал хватать воздух ртом.

– Ну вот, вроде, отлыгался родимец.

Он услышал голос над головой, и попытался открыть глаза, но в них словно насыпали песка. Сквозь слезы он все же увидел, склонившегося над собой, бородатого мужика, а рядом с бородачом мелькнуло знакомое лицо. Эти огромные голубые глаза он узнал бы из тысячи.

– Валя, – слабым голосом произнес комбатареи.

– Гляди-ка, Валюш, этот-то тебя откуда-то знает, а вроде, как и не наш боец, может тоже москвич? Ты-то его не знаешь случаем? – спросил «Борода».

– Валя, – опять простонал Егор и попытался приподняться на локтях.

Но глаза вновь залила красная пелена, и он опять потерял сознание.

Глава 5

Конечно же, он москвич. Егор родился и вырос в этом городе, недалеко от Покровского бульвара. Каждый день, перебежал его, спеша в школу №327 на Большом Вузовском переулке. Он увлекался историей, а учитель физики и директор школы в одном лице – Петр Николаевич Степаненко, видел в своих учениках инженеров, строителей и авиаторов.

Литвинов был одним из лучших учеников школы и Петр Николаевич очень рекомендовал ему поступить в Московский механико-машиностроительный институт им. Н. Э. Баумана. Страна строила коммунизм, и Егор решил, что золото скифов может подождать, и послушал директора школы.

Когда он окончил первый курс, началась война, и он со своими товарищами пошел в военкомат, но его тогда завернули, так как брали тех, кому исполнилось 18 лет, а ему восемнадцать было бы только в ноябре. И тогда Егор пошел в рабочее ополчение, и с конца августа до октября он выезжал рыть окопы и противотанковые рвы.

Как только наступило совершеннолетие, он начал проситься на фронт. Наши войска только-только отстояли столицу, и Литвинов хотел быть в тех окопах, которые он рыл

в сентябре, но военком дал ему направление в Тамбовское артиллерийско-техническое краснознамённое училище.

Туда уже с «Нового Сормова» поставили новейшие пушки ЗиС-3 для обучения курсантов. Егор еще в институте любил предмет «Теория машин и механизмов», и это ему очень помогло во время учебы в артучилище. Он стал лучшим наводчиком на курсе, и вскоре ротный назначил его командиром боевого расчета. Но так как отвалившаяся подошва уложила его в госпиталь, то он не сразу попал на фронт. Зато судьба свела его с прекрасной девушкой Валентиной, и это скрасило его полуторамесячное пребывание в госпитале.

«Как же здорово, что она сейчас рядом с ним. Но как она попала на фронт?» – думал Егор, периодически приходя в сознание, и слыша, как рядом хлопочет любимая девушка. Много странного сейчас слышал старший лейтенант, находясь в полузабытье. Вот пришел какой-то дядька, которого Валя называла «Реставратором», и узнаваемый по голосу бородач предложил ему:

– Скушай яблочко, Петруша. Праздник сегодня – Яблочный Спас. А нас вот Господь от «укропов» спас, вон как они нас сегодня «Градом» посыпали. Хорошо хоть целкость у них сбита. А у нас смотри, какой подарочек лежит, видно твой брат – реконструктор.

– Ух, ты, какой экземпляр, и форма у него правильная, прямо 43 год. Вот только зачем он на позиции погоны нацепил, этими погонами только лишний раз «всушников» провоцировать, – рассуждал «Реставратор». – Где вы его откопали?

– Да после бомбежки пошли позиции проверять, а он там под трехдюймовкой лежит, за сошник уцепился и орет: «Заряжай», «Товьсь», «Огонь». Еле оторвали его от пушки. Только он в себя никак не придет, лежит, заговаривается: то про сарматов, то про «Мертвую голову», то про «Тигров». А тут ненадолго пришел в себя и Валюшу нашу узнал, – рассказывал «Борода».

– А я его не знаю, Петр Николаевич. Степаныч предположил, что он из Москвы, как и я. Но я-то его в первый раз вижу, – оправдывалась девушка.

Лежа в бреду, Егор думал, почему она его совсем не узнает. Может ему лицо так сильно посекло, что его теперь невозможно узнать? Егор не понимал, как она оказалась на передовой, где Лешка и что это за люди его окружают? «Этот вот бородатый боец явно не по уставу одет, да еще с такой растительностью на лице, может меня армейская разведка подобрала», – думал Литвинов. Он слышал, что разведчикам

разрешали отпускать бороды и не стричься, чтобы сливаться с местным населением, да и говорок у бородача был мало-росский, как у сержанта шестого расчета. Все казалось очень странным: и это видение с сарматами и фракийцами, и какие-то «укропы» с «всушники». Резкая боль пронзила висок, и Егор опять вырубился.

Глава 6

Когда в следующий раз он пришел себя, то услышал еще какой-то мужской хрипловатый голос. Этого человека все называли либо командир, либо «Кемир», и он ругался с «Реставратором».

– Чего все этих клоунов тянет на передовую? Сидели бы у себя в Подмосковье, и игрались в пушечки да танчики, а у них в попе детство играет, и они прут и прут на передовую. Ты, Петя, ладно еще – кандидат исторических наук, а этим-то соплякам, чего здесь делать? Еще колодки нацепил, сосунок.

– Знаешь, «Кемир», что удивительно в этом реконструкторе, что даже орденские планки у него по правилам исполнены прошивные, другой бы сделал на липучке или на цанге, – удивленно говорил Петр Николаевич, – а этот дотошный, даже размеры все соблюл.

– А вы хоть документы у него проверили? – спросил командир.

Из нагрудного кармана «Реставратор» вытащил удостоверение личности, вещевую и расчетную книжку, награжденные

удостоверения, а также комсомольский билет. Внимательно пролистав все эти документы, Петр Николаевич, как-то по особенному цокая языком, вынес вердикт:

– Вы только посмотрите, насколько качественно изготовлены документы. Соблюдены все шрифты того времени, особые отметки, гербовые печати, подписи, звездочки и спецчернила, со штемпельной мастикой. Но, самое интересное, в комсомольском билете уплата членских взносов. Вот смотрите: школа №327 г. Москвы, и все по годам и месяцам уплачено вплоть до июля 43 года. Я таких качественных документов никогда в руках не держал: что плотность бумаги, что обложки. А сейчас, как реконструкторы делают, на принтере распечатают и сами за всех распишутся, но здесь явно не халтура.

– Да, может педант какой-нибудь, сидит себе такой «ботаник» и сочиняет легенду о своем героической жизни, – недовольным голосом говорил «Кемир», разглядывая наградные книжки, – медаль «За боевые заслуги» при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками. Медаль «За Отвагу» при освобождении Ростова. Орден Отечественной Войны II степени за уничтожение более пяти единиц бронетехники противника в составе оружейного расчёта. Странно еще, что орден не первой степени.

– Ну, первую степень тогда не очень-то и давали, хотя за пять единиц вполне могли бы. Главное, шельмец, все-то у него к месту, даже я бы так парится, не стал. Вот смотрите, в расчетной книжке отметки по выплатам: это за заем, вот удержание, а вот выплаты полевых и все по месяцам. В начале августа сделана последняя запись, – заметил «Реставратор».

– А может он того? – испуганным голосом спросил «Борода».

– Чего того, ты как то странно выражаешься, Степаныч, – рассматривая в лупу какие-то значки на документах, сказал кандидат исторических наук, – а «За отвагу» у него старого еще образца, до выхода указа от 19 июня 1943. Ну, очень уж любопытно.

– А того, что он может, как Юрка-юнкер, и Соколиная гора нам его отдала, – продолжал заговорческим тоном говорить бородач.

– Ты, Степаныч, часом не сбегал до дому сегодня, а то я смотрю, у нас в расположении яблочки откуда-то, может ты в честь праздничка и горилки хлебнул лиху? – полюбопытствовал командир.

– Господь с вами, ну я, конечно, маненько выпил, ну не так, чтобы заговариваться, – оправдывался он.

– Ладно, знаю я твое маненько, в тот раз у Валюши весь стратегический запас вылакал, хорошо, что ты еще нашатырный спирт не опростал, а то чем бы мы сейчас этого клоуна в себя приводили, – продолжал подтрунивать над ним «Кемир».

– Ты Сережа, хоть и командир, но грех над стариком смеяться, – бухтел «Борода» – Сам же был в Афгане и знаешь, что меня там контузило, я теперь, как слышу когда «Град» бьет, сам не свой становлюсь, вот с переляку-то и выпил.

Степаныч на самом деле попал в Афганистан в июле 1979 года, уже на втором году службы. Осенью он должен был демобилизоваться, но их минометную батарею, в составе мотострелкового полка, забросили в помощь братскому народу. Через месяц с тяжелой контузией старший сержант Федор Степанович Даниленко был отправлен в госпиталь в Ташкент, и там его комиссовали. «Кемир» же попал в Афган в 1988 году и прослужил там до вывода советских войск с территории Афганистана. И хотя Степаныч был старше командира всего на двенадцать лет, все в отряде его считали стариком. Так его окрестил «Кемир», а потом уже поддер-

жали и остальные. Теперь вот «афганец» первого призыва оправдывался, за свою слабость к спиртному, перед «афганцем» последнего призыва.

– Я ведь, как понял с ваших слов, что у парня документы 43-им годом заканчиваются, а на этом месте в августе 43 года страшный бой был. Нам еще в школе на уроках истории рассказывали, что немцы на этом рубеже на смерть стояли. Сам Сталин дал приказ освободить сегодняшний Донецк до 1 августа 43. Ну, наши маршалы говорят, взяли под козырек, не разобравшись сколько здесь немца, и какие у него укрепления, и решили с наскока фрица выбить с Донбасса. За проваленную Миусскую операцию, проведенную с июля до начала августа, такие головы полетели. Но, если маршалов просто поснимали, то сколько хлопцев здесь полегло – одному богу известно. Про Саур-Могилу, думаю, все слышали.

А с середины августа началось второе наступление: уже более подготовленное, сам Рокоссовский здесь был, и бои тут шибко горячие были, я вам так скажу – «второй Сталинград», недаром область тогда Сталинской называлась. Вот здесь у Соколиной горы, считай больше полусотни танков «Мертвой головы» ухлопали наши ребятки. У нашего учителя истории тут брат героически погиб, кстати, тезка твой «Кемир» – тоже Серегой звали. Вот я и думаю, не из тех ли краев этот старлей, на «ботаника» он совсем не похож. Ты

на ладони, на его посмотри, все в мозолях.

– Да мы сейчас и проверим, – сказал «Реставратор», копаясь в своем планшете, – вот нашел, был на самом деле здесь такой бой, и старший лейтенант Литвинов командовал батареей, за что посмертно, и получил звание капитана и орден Отечественной войны I степени. Что тут о нем еще пишут: вроде, как пропавший без вести, но тут их, говорят, всю батарею танки гусеницами отутюжили, так что не удивительно, что тело не нашли.

Егор, в бессознательном состоянии, слушая эти разговоры, не во всем разбирался, но про свою батарею и про танки он все понял. И даже попытался улыбнуться, радуясь количеству уничтоженных «Тигров».

– Вон лыбится наш горе-герой. Давай, Валюш, вколи ему что-нибудь, пора бы с ним побеседовать, – попросил медсестру командир.

Валя набрала в шприц промедола и сделала внутримышечную инъекцию. Егор почувствовал прилив сил и через пару минут окончательно пришел в себя.

Он огляделся вокруг, все было очень странно, на стене висел не понятный прямоугольный предмет, на котором в цвет-

ном изображении двигались люди. Это было как в кинотеатре, но проектора он нигде не увидел. Зато в руках у «Реставратора» усмотрел плоский светящийся предмет, где под движениями пальца мелькали картинки и текстовые записи. Люди, вообще, все были одеты как-то чудно, даже военная форма на мужчинах была необычной, и только Валя оставалась той же, какой он видел ее последний раз на тамбовском вокзале.

– Валя, а мы где? – спросил Литвинов.

Но «Кемир» не дал ответить медсестре и задал вопрос сам:

– Ты, что за птица и что делаешь на нашей боевой позиции?

– А это, что допрос или вопрос? Если вопрос, то почему не по уставу задан? И представьте сами, как я уже вижу, мои документы вы проверили, – возмутился Егор.

– Ну, допустим, я командир отдельного батальона армии ДНР. Если ты думаешь, я поверю твоим липовым документам, то ты глубоко ошибаешься. Так что давай, мальчик, колись по-взрослому. Кто ты и откуда?

В этот момент в помещение забежал еще один боец, и его вид еще больше смутил Литвинова. Черный берет на голове. Жилет, защитного цвета с множеством карманов, под ним черная майка с коротким рукавом, на которой изображен Андреевский крест на красном фоне, не закрывавшая цветных татуировок. Создавалось впечатление, что у солдата на руках пестрые тонкие перчатки, и на левой руке была надпись на латинице «Veni-Vidi-Vici». Вбежав, он пробасил:

– «Кемир», тебя срочно Донецк вызывает, – и протянул командиру небольшую черную коробочку, похожую на электрический фонарик.

Егор сначала и принял этот предмет за фонарь, но тот слабо светил голубоватым неярким светом, и оттуда доносились прерывистая речь. «Кемир» произнес приветствие в это странное устройство. Потом попросил, вошедшего бойца, назвав его «Оранжем», провести допрос, непонятно откуда взявшегося старлея. После чего он, возмущаясь, что не будет смены, вышел за дверь.

Если в голосе командира слышалось требование, то в голосе «Оранжа» прослеживалось нетерпение. Он в разговоре с Литвиновым «брал быка за рога».

– Кто такой? Кем послан? Твое задание? – сыпал он во-

просами на Егора.

Но старлей, помня наставления особиста, как вести себя в плену, старался ничего лишнего не говорить этим странным людям. А когда в углу, который заслонял вышедший «Кемир», увидел висящие три флага, то у него и вовсе пропало желание говорить. Первый флаг был триколор – белого, синего и красного цвета. Второй триколор составляли черный, синий и красный цвета и на нем был изображен двуглавый орел и, наконец, третий флаг был, как на майке у «Оранже» – Андреевский крест. Особист, проводя работу с комсоставом, рассказывал о «власовцах» и об их армии РОА. Она состояла преимущественно из белоэмигрантов и пленных советских солдат. Так вот на шевронах её бойцов как раз и красовался Андреевский флаг.

«Так все-таки я попал в плен к этим предателям Родины, уж лучше бы к немцам – не так было бы обидно», – думал Егор, – «но почему среди них Валя?» Это обстоятельство его сильно смущало.

– Во-первых, что это за армия – ДНР, это что, одно из подразделений Русской Освободительной Армии? Во-вторых, вы видели все из моих документов и, в-третьих, я не собираюсь отвечать предателям, – заявил Литвинов.

В этот момент «Реставратор», развернул сложенное в треугольник, письмо Алексея Ткаченко к своему тренеру, и зачитал:

– Семен Петрович, если вы читаете это письмо, то меня, скорее всего, нет в живых. Прошу простите меня, если чем вас обидел, но вы для меня всегда были, как родной отец. Вы всегда учили меня быть беспощадным к врагам и любить Родину – я так и жил. Скоро уже бой, и я не буду много расписывать, но человек, который принесет вам это письмо, все расскажет, как я жил и как нещадно бил врага. Егор, думаю, отомстит за меня. Ваш ученик Алеша.

Адрес: Киев, Героев Стратосферы, 25, кв. 8

– Так ты – «укроп» киевский? – взвился «Оранжевый», ухватившись за ворот гимнастерки. – А ну, выкладывай, чего здесь шпионил?

Не понимая, про какой «укроп» говорит этот боец в берете, Егор резким движением сбросил его руку со своей шеи, и выдал фразу, после которой опять потерял сознание:

– Я давал присягу и если я ее нарушу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся, а ты, ублюдок, давая эту присягу, нарушил все, что можно, и все вы здесь – предатели Родины.

В этот момент резкий удар в голову, остановил его патетическую речь.

Глава 7

Сколько Егор был в бессознательном состоянии, сейчас было трудно понять, но когда пришел в себя – почувствовал, как болит опухшая скула, и что левая рука пристегнута железным наручником к стойке двухъярусной кровати. Рядом сидел, покуривая, только бородатый боец. Увидев, что он очнулся, «Борода» тут же оживился.

– Ну, ты паря даешь, вот так «Апельсину» в лоб сказать, что он ублюдок и Родину продал, хорошо, что его еще от тебя оттащили, а то он бы тебя убил бы здесь, – заговорил боец.

– Куревом не богат? – спросил его Литвинов.

Степаныч протянул ему белую пачку с иностранной надписью «Winston».

«Точно это, какие-то изменники. Курят не папиросы, а какие-то чудные „самокрутки“ из белой бумаги, да еще на конце, какой-то желтый мундштук прилеплен», – подумал Егор, но выбора не было, и он затянулся вражеской сигаркой. Вкус табака он почувствовал, но крепости у этих «самокруток» не было.

– Вот смотрю, я на тебя паря и думаю, то ли ты придуряешься, то ли тебя Соколиная гора отдала, и ты на самом деле к нам из 43-го года попал, – продолжал рассуждать «Борода». – Тогда вряд тебе здесь кто, кроме меня поверит. Так вон и с Юркой-юнкером было, пока он умом не тронулся. Я – то местный, и у нас покои веку байка ходила, что Соколиная иногда отдает людей. Причем люди эти из другого времени к нам попадали: кто приживался, кто уходил в поисках себя, ну а в основном местными дурачками становились. Но старики всегда говорили, что гора отдает героев, и чтобы мы им помогли адаптироваться. Так что если ты оттуда, то лучше мне пока все расскажи, а я уж с остальными побалакаю за тебя.

Егор не совсем понимал, о чем говорит этот человек, но он чувствовал к нему какое-то доверие, потому и заговорил:

– Я – командир батареи, старший лейтенант Литвинов, и мне была поставлена задача, выманить на себя основную танковую группу немцев. Был бой, и мое орудие атаковал прямой наводкой фашистский «Тигр», ну а дальше был какой-то бред: сарматы, фракийцы и вы вот. Я не могу понять – я умер, и это загробная жизнь, или эта ваша гора, как Белый Сфинкс у Герберта Уэллса.

– Ну, я не читал этого Уэлса, но то, что гора у нас необычная – это я точно знаю. Значит, я в тебе не ошибся, ты оттуда паря. Может горилочки тебе плеснуть, чтобы ты очухался хоть как-то. Водка-то она иногда помогает, – заметил Степаныч и налил полстакана, отдающей сивухой самогонки.

Егор для себя решил выпить, может и правда хоть как-то мозги придут в себя оттого, что здесь нарасказывал этот старик. Степаныч на закуску предложил «Грушовку», и Литвинов вспомнил, как «замковый» его тоже угощал именно этими яблочками перед боем. Выкурив со Степанычем еще по сигарете, он спросил, что это за люди вокруг, и что, вообще, происходит в этом мире.

– Да как тебе сказать, одним словом сразу, вот все и не поведаешь, – начал свою историю Степаныч. – Хотя можно сказать так: все за что вы воевали, во что вы верили и что вы построили, мы профукали. Сейчас вот, к примеру, 2014 год, а в 1991 закончил свое существование СССР, такая вот «петрушка».

Вы, конечно, немца-то победили, и социализм почти построили, так были неурядицы небольшие, типа войны в Афганистане, где мы братскому народу помогали. А в целом нормально жили, пол-Европы под нами было: Польша, Чехословакия, Югославия и прочие восточно-европейские стра-

ны, даже половина Германии по нашим принципам жила. А потом пришел один деятель и за пять лет все развалил. Да пес бы с той Европой, тут наша страна в тартарары полетела: все республики наши братские сами по себе жить и управлять стали. Это знаешь, как оторвали у живого руки-ноги, одна голова осталась. Потом кое-чего пришили, так наскоряк белыми нитками, и назвали это СНГ, навроде Союза Независимых Государств. А чего и вовсе не пришили: то ли забыли, то ли не захотели. Да и чего пришили-то, приживаться не захотело, это же тебе не мишка плюшевый, которому лапу оторвали, а потом опять пришпандорили. Вот и заболели все эти недопришитые независимые государства.

Так тебе скажу, мил человек, и голод опять был, и работы совсем не было. Я вот, к примеру, до развала страны на Крайнем Севере работал, в Билибино атомную станцию строил, а потом все – кирдык, закрыли все эти Севера. А дальше и того хуже, начали все эти руки-ноги болеть да гнить потихоньку, то в Грузии война вспыхнет, то таджики, да киргизы развяжут войну, в общем беда пришла, браток. В самой-то России чеченцы две войны устроили, сколько хлопцев полегло, никто и не считал. Теперь вот у нас на Украине восток с западом воюют, а все из-за денег, будь они неладны. Мы здесь на Донбассе всегда уголек добывали, да сталь варили, а какое машиностроение было, я тебе дам, ого-го, – и «Борода» потряс кулаком, продолжая рассказывать, – ну, а эти карпатцы

позавидовали на нас, и давай своих людей в Киеве, с помощью Америки ставить, да нас до нитки обирать. Уж почитай после Ющенко, они нас за людей не считают. Вот и грохнула война у нас на Донбассе, эти ж гады мирных жителей из гаубиц били – фашист и тот гуманней был. Так что, брат, пока ты был в прострации, мы здесь из всех ваших завоеваний, устроили просракцию.

Егор слушал и мало, что понимал. Как его великий и могучий Советский Союз мог развалиться? Может это все-таки «власовцы» агитацию такую ведут? Но этот Степаныч говорит, что сейчас 2014 год, и все это напоминало предсмертный бред. Егор не понимал, как Валюша могла здесь оказаться, и уже собирался поспрашивать у бородача о ней, как вдруг вспомнил своего обидчика, и почему-то спросил не про Валю, а про него:

– Этот «Оранж», кто он? Ведь он совсем не похож на солдата в отличии, например, от «Кемира»? – спросил Егор.

– Ну, давай я тебе про братушек наших расскажу, про весь наш отряд армии ДНР. Только рассказ опять долгий будет, давай еще по маленькой тяпнем – за вашу победу и так хотелось бы, чтоб и за нашу, – «Борода» налил по полстакана горилки, и они, не чокаясь, выпили.

Потом Степаныч загрыз свою смагу сочной «Грушевкой» и поведал Литвинову такую историю:

– Этот позывной «Оранж» он сам себе придумал, а ребята за глаза его звали «Апельсином», но при личном общении, чаще называли Костя или Костян. Константин Оганесян – сочинский полуармянин был достаточно эпатажной личностью. Когда его отец – самый знаменитый шашлычник на сочинском побережье, отмазал Костю от армии по болезни, Константин уехал втихую в Краснодар и там прошел медкомиссию, где его признали годным для прохождения воинской службы. Отец опять договорился с военкомом, чтобы Костя служил в Туапсе и охранял дачу одного генерала. Но тот снова выкинул фортель: напросился к приехавшему «покупателю» из Ферганы и попал в воздушно-десантную дивизию. Там он и познакомился с Сергеем Поляковым из города Кемерово, сегодняшним «Кемиром».

Они были с одного призыва и когда «деды» решили пресануть «хачика», то Поляков первым встал на защиту сослуживца. В нем с детства было обостренно чувство справедливости, из-за него, он страдал потом на гражданке. Но в тот день он нашел друга на всю свою жизнь, на которого он мог положиться и в горе, и в радости. Конечно, «деды» им тогда навалили, даже невзирая на то, что Сергей был кандидатом в мастера спорта по дзюдо. Зато на следующий день,

объяснив командиру роты, что они с рядовым Оганесяном ударились об одну и ту же тумбочку, старослужащие его уважали, ну и «хачика» больше не трогали. Через полгода был Афган, где они с Костиком стояли спина к спине и гасили из АКС-ов моджахедов. Потом – вывод войск, а уже в апреле они разгоняли антиправительственный митинг в Тбилиси. После Тбилисских событий друзья в один день ушли на дембель, и лето 89 года Сергей провел в Сочи. Костик жарил шашлыки, а Поляков ему помогал: нанизывал шампура, резал и мариновал мясо. Наверное, это были самые счастливые дни в их жизни. Они каждый день знакомились с девушками, у них были деньги и, вообще, они были так молоды в это время, что казалось – жизнь на земле зародилась только ради них. Там же Сергей познакомился со своей будущей женой Ольгой – студенткой кемеровского педучилища №1. И когда Костя стал уговаривать его остаться жить в Сочи, Сергей и слушать не хотел. Кое-как отработав шашлычный сезон, в конце сентября засобирался домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.